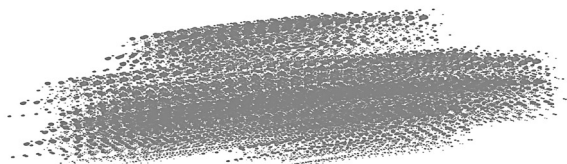

БОЕВАЯ ХРОНИКА

РОМАНЫ О ПАМЯТНЫХ БОЯХ

**СЕРГЕЙ
ЗВЕРЕВ**

**ЧЕРНЫЙ
ПОДСНЕЖНИК**

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
З-43

Зверев, Сергей Иванович.

З-43 **Черный подснежник / Сергей Зверев. —**
Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-194608-1

1943 год. Кольцо блокады вокруг Ленинграда прорвано, но до полной победы Красной армии на этом участке фронта еще далеко. Враг изо всех сил старается удержать свои позиции, делая неприступной каждую возвышенность на болотистой местности. Один из таких рубежей приказано взять нашему батальону пехоты. Понимая всю сложность предстоящего боя, пехотинцам вызывается помочь командир танковой роты лейтенант Алексей Соколов. Однако командование запрещает маневр, ссылаясь на непроеходимую для техники местность. На подступах к высоте батальон попадает в засаду. Соколов, послушавшись приказа, все-таки мчится на помощь своим, надеясь в последний момент спасти положение...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-194608-1

© Зверев С.И., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

От мешков шел такой умопомрачительный хлебный дух, что водителю полуторки, старшине Валентину Крошину, приходилось то и дело сглатывать слюну. Аромат щекотал ноздри, скручивал изнутри живот так, что он механически баранку крутил. Мысли только и были о ржаном хлебе, на который бы сейчас присыпать чуток соли, уложить бело-розовый шмат сала. А потом впиться зубами и жевать, проглатывать солено-пряный деликатес. Сидящий рядом капитан, видимо, изнывал от такого же желания, потому что отвлекся на секунду от наблюдения за ситуацией на дороге, прикрыл глаза и мечтательно выдал:

— Эх, вот бы на горбушечку черного горчицы мазнуть, ядреной, чтобы до слез прошибала. У нас в столовой на заводе такая всегда стояла на столах.

И Крошин, и командир автомобильной роты отдельного батальона материального обеспечения знали точно, что ни куска от почти сотен мешков с хлебом, прыгающих в кузовах полуторок под брезентом, они не возьмут. Пускай хоть до рези крутит голодное брюхо, а в мозгу чередуются фантазии о еде. Этот хлеб особенный, и обоз с продовольствием специального назначения. Старенькие полуторки, подпрыгивая на ухабах и дорожных ямках, везут в мешках кирпичики хлеба из ароматной ржаной муки для жителей освобожденного Ленинграда. Не из перетертых сосновых иголок с невыносимым горьким послевкусием, не из лужги семечек или пищевой целлюлозы, а обычный ржаной хлеб. Аккуратные кирпичики с темной спинкой, оставляющие легкую кислинку на языке. Всего неделя, как освободили, сняли блокаду, пробив дорогу — коридор в немецкой осаде. И теперь по узкой полосе южного берега Ладожского озера, шириной в десяток километров, идут автомобильные обозы с продуктами, лекарствами, теплыми вещами. Обрато машины вывозят по дороге жизни детей, женщин, стариков, что выжили, хоть и превратились за сотни дней в осажденном городе в еле движущиеся призраки. Искра жизни в измученных тщедушных

телах держалась только на силе воли, потому что к моменту прорыва блокады вес хлебного пайка упал до двухсот граммов в сутки, да и за этим черным куском, сделанным наполовину из несъедобных примесей, приходилось стоять на морозе в очередях сутками. А сейчас вдоль белой кромки озера неслись грузовики с провизией для организованных спецстоловых для населения: в плотных мешках хлеб с хлебобулочного завода соседнего города, в ящиках тяжелые шайбы мясных консервов, шуршащие крупы в кулях, даже мясные туши, распластанные на брезенте, чтобы не испачкать доски кузова.

Чтобы отвлечься от мучительного ощущения голода, Крошин хмуро уставился на поземку впереди, которая так и кружила по серой замерзшей земле. Еще час осторожного движения по зимней дороге в сгущающейся хмари от водных испарений и небольшой метели, и они будут на границе города. Час на разгрузку, и, наконец, можно будет бежать вдоль изорванных немецкими снарядами трамвайных путей к острой крыше вокзала. Именно там он увидел их первый раз в свою первую поездку в только что освобожденный город.

В тот день, после того как капитан выкрикнул команду «вольно», водители разбегались по

кабинам покемарить короткие часы перед обратной дорогой. А Валька Крошин поспешил в город, пускай и разбитый тысячами бомб, сброшенных с германских «Юнкерсов», но все равно невероятно огромный, задирающий ввысь крыши многоэтажных домов, манящий затейливыми постройками и величавыми колоннами. Деревенский парень, который впервые за всю жизнь оказался дальше районного центра в родной Вологде, шел, очарованный шириной дорог и обилием мостов, как вдруг возле руин на пустой улице его окружили темные силуэты. Перед лицом блеснуло лезвие ножа, и сиплый басок приказал:

— Выворачивай карманы, дядя!

— А, чего? — От неожиданного нападения Валька оторопел, с удивлением рассматривая грабителей, которые были ему по плечо и выглядели как бесформенные копны из одежды с торчащими в стороны ножками-палочками.

— Че в карманах, глухой, что ли? — снова проскрипел басок.

— Вы чего, ребята, вы грабители, что ли? Вы же это... ребятишки, — удивленно протянул Крошин, поняв вдруг, что его окружили пять или семь подростков, тщедушных и качающихся от недоедания.

— Давай доставай, чего в карманах! — уже со злостью выкрикнул мальчишка с ножом в руках.

От слабости у него все кружилось перед глазами, последние слова отняли столько сил, что он не удержался на ногах и качнулся вперед. Крошин инстинктивно врезал кулаком прямо в центр бледного личика, отчего его хилый противник рухнул на землю и закатил глаза, заливая алой юшкой из носа серые щеки.

— Не бей его, дяденька! — откуда-то из темного угла метнулась крошечная тень. Девчонка лет семи подлетела и припала к солдатскому сапогу. — Не убивай, дядька, не убивай Женьку! Меня лучше убей!

Валька отодрал от сапога тонкие ручки и приподнял за шкирку девчонку повыше к своему лицу. Та болталась будто чахлый кутенок, зажмурился от ужаса глаза, только скулила без остановки:

— Меня, меня лучше убей, не тронь Женьку, с голоду он! Меня убей!

Валька оглянулся по сторонам, и под его взглядом серые тени остальных горе-грабителей расплзлись в темные пещерки руин, будто и не было целой банды. Крошин осторожно поставил девочку на землю. Страшно ему не было, было жутко от того, как выглядели эти дети, на-

поминающие скорее живые скелеты, чем живых людей. Почти бестелесные руки и ноги, обтянутые серой кожей, огромный лоб, выпирающие кости черепа, да впадины под скулами вместо щек, отчего глаза на детском личике казались невероятно огромными. Солдат потряс распластавшегося на земле паренька:

— Эй, ты живой, слышишь? Ну, вставай!

Тот моргнул раз, другой и вдруг отвернул лицо, заплакал отчаянно от стыда за свой голод, что превратил его в преступника, от неудачи и унижительного тычка в лицо, от мучительного ощущения бессилия.

— Да ты не реви, чего, больно я тебе вдарил, да? Ну прости, я же не со зла, рука тяжелая. — Теперь Валька не знал, как утешить мальчишку и остановить его отчаянный вой.

Он похлопал себя по карманам и вытащил кусок сухаря, что отложил после обеда, чтобы смаковать по кусочку в дороге, разгонять сонливость от однообразной картинке перед глазами. Тонкие пальцы тотчас перехватили подарок, девочка осторожно, подбирая языком каждую крошку, надкусила обломок сухаря.

— И мне, мне дай укусить!

— Я тоже хочу!

— Дай!

Как бабочки на свет фонаря, вдруг из всех темных уголков и щелей отовсюду начали сползаться тонкие фигурки. Они так были укутаны в рвань, что Валька не мог понять ни их возраст, ни пол, только по росту определил, что перед ним дети. Они заполнили крошечный пятачок, сухарь пошел по кругу, уменьшаясь с каждым укусом, и исчез за несколько секунд. Тем, кому не досталось и крошки лакомства, робко трогали карманы ватной куртки:

— Дядь, есть еще хлебушко?

— Сухарик дай, дай!

Чья-то ловкая ручонка вытащила из кармана солдата тяжелый трофейный портсигар, который старшина набивал самокрутками. Самодельные папиросы из махорки и газетных листов мгновенно разошлись по толпе. Валька и опомниться не успел, как ребятишки потащили сигареты в рот, пытаясь унять хоть чем-нибудь ужасный голод. Самый маленький разочарованно заревел от ужасного вкуса едкого самосада, но, не в силах выплюнуть месиво, жевал и жевал, заливаясь слезами от горечи табачных резаных листьев.

— А ну дайте сюда, дураки! — Пришедший в себя главарь оборванцев вырвал из тонких пальцев блестящую коробку и протянул обратно

старшине. — Вот, заберите, мы не воры, товарищ солдат.

Глаза на старшину он поднять был не в силах, но Крошин никакой злости не ощущал, лишь немое отчаяние от того, что в его карманах ничего не нашлось кроме куска сухаря. Начал было задавать вопрос:

— Родители ва...

Тут же парнишка резко его оборвал:

— Нету родителей, документов тоже нету. — К мальчишке прижалась тонкая фигурка сестры, так отчаянно его защищавшая от гнева Вали.

И паренек вдруг вскинулся зло снова, свистнул резко в окровавленные губы, так что маленькие человечки в несуразной огромной одежде враз исчезли, разбежались во все стороны, прячась в щели между грудями обломков.

«Они живут здесь в развалинах, сироты, беспризорники, — вдруг сообразил Валентин. — Как собаки живут на улице. Как они еду находят, в городе же все по карточкам». От жуткого немного вопроса внутри руки снова потянулись к карманам, только напрасно — там остались только крошки махорки.

— Так. — Крошин сдвинул тугую шапку и почесал затылок. — Я через два дня приеду

в это же время в Ленинград, в обозе пойду хлебом. Здесь меня ждите, поняли? Я привезу, поесть привезу. Я насобираю, у ребят там наших соберу. Слышали? Ждите, два дня! Я через два дня вернусь! — вдруг выпалил он.

Женька, который старался не тратить силы на лишние движения, скупно кивнул — слышали, ждем.

Ошалевший Крошин зашагал обратно, к месту стоянки грузовиков, то и дело оглядываясь, спиной чувствуя, как его провожают десятки пар глаз. Когда сердце перестало истошно колотиться в груди, мысли защелкали, как костяшки счет:

«Портсигар сменяю на сахар, а лучше на пшенку или сухари, чтобы сытнее. Есть еще платок теплый и варежки, которые матери хотел отправить почтой. Ничего, зима скоро кончится, у нее там есть батины рукавицы. Их тоже на продукты сменяю. В вещмешке пряников три штуки, плесневелые, но ничего, зелень можно соскоблить. И портянки, портянки новые тоже выменяю на консервы, курево отдам. За курево много дадут, может, и сухарей целый мешок наберу!»

Он, словно заправский снабженец, всю дорогу обратно прикидывал, на что еще можно

выменять провизии для беспризорников, где достать хоть пару дополнительных кусков хлеба или коробку солоноватых галет. А в расположении батальона, несмотря на ночь и усталость после долгого переезда, бросился по землянкам в поисках продуктов.

Сейчас, спустя два дня поспешных сборов и обменов, предмет его радости — два вещмешка, туго набитых сухарями, крупами, кусками засохшего хлеба, коробками с трофейным немецким шоколадом, рафинадом в крошках табака, лежали в кузове его машины, надежно укрытые брезентом от сырого январского ветра с озера. Вальке хотелось выжать сцепление и дать по газам что есть силы, чтобы как можно быстрее оказаться там, на темном пятачке, и раздавать, раздаривать это богатство в прозрачные ладошки, в тонкие пальцы. Он улыбался при мысли о том, как вспыхнут глаза у девочки и разгладится горькая складка у сурового Женьки. Уговаривал мысленно их: «Потерпите, родные мои, потерпите, ребятки. Еще часик, и будет у нас пир на весь мир». Капитан недовольно насупил:

— Куда торопишься, сержант? Дорога во льду вся, снесет к чертовой матери, пикнуть не успеешь. — Он бросил взгляд в боковое зеркало. — Вон уже и остальные машины плетутся на

расстоянии. Мы колонна военных автомобилей, а не свадебный кортеж. Притормаживай!

Валька, испытывая недовольство, тем не менее подчинился, выжал сцепление и педаль тормоза, от чего всегда послушный «ГАЗ» вдруг жутко рывкнул, накренился и разлетелся на тысячи кусков. Водитель, изорванный, наспигованный осколками немецкой мины, неестественно изогнулся, впечатавшись в искореженный металл двери. Новый выстрел и взрыв! Следом за ним слетали в кювет, переворачивались и разлетались на куски из стали остальные полуторки продуктового обоза. Сержант Крошин успел только с горечью подумать: «Они же ждут меня!», нога лихорадочно все нажимала и нажимала на педаль газа, даже когда все перед глазами залила кровавая пелена из пробитой осколком головы. Через четверть часа взвизгивающие выстрелы минометов, которые стреляли из засады, прекратились, а старшина Крошин застыл в кабине за рулем машины навсегда.

ГЛАВА 1

— Может, попозже, товарищ лейтенант? Шумно что-то там. — Николай Бочкин, заряжающий танка «Т-34» с номером 007, командирского танка, робко кивнул в сторону старой церкви, откуда через забитые досками окна доносились крики споривших офицеров.

Алексей Соколов, командир танковой роты, 25-летний худощавый высокий лейтенант, даже не успел ничего ответить. Нарушая военный устав, опередив командира, старшина Василий Иванович Логунов сунул Кольке под нос свой большой кулак.

— Не понимаешь слов, вот чем учить опять будем! — Старшина задержал тяжелый аргумент перед носом ефрейтора.

Николай набычился, но промолчал, покорно кивнул в ответ, чувствуя, как под гимнастеркой до сих пор горит спина. Он только сегодня на-

конец комиссовался из госпиталя, где врачи быстро привели молодого танкиста в форму после контузии, и вернулся в расположение своей части. Да вот после радостных восклицаний остальных сослуживцев старшина Логунов, башнер в экипаже Бочкина, отвел его подальше от любопытных глаз, в мгновение ока стянул с себя ремень с тяжелой бляхой и отходил Кольку так, что у того поплыли перед глазами звездочки от жестких ударов старшины. И все же он терпел, только покряхтывал, пока Василий Иванович лупил ремнем по его широкой спине, приговаривая:

— Это вот тебе за побег, это тебе за глупости, что под «Тигра» полез. Вот тебе наука, вот! Не тому я тебя учил, и Сема не тому! Сначала все просчитать, позиции продумать, а потом к немцам в тыл лезть!

Колька терпеливо сносил науку ремнем, знал, что имеет на нее право старшина Логунов. Не только потому, что опыта военного и служивого у него за двоих, еще с финской войны командует танковым отделением. Сибиряк приходился Бочкину односельчанином, командиром, а еще почти что отцом. Два года Василий ухаживал за его матерью и если бы не война, то после официальной росписи в районном ЗАГСе

стал бы ему отчимом. За годы войны могучий сибиряк, попав с Бочкиным башнером в одну «тридцатьчетверку», опекал и заботился о парне, как о родном сыне, став ему самым близким человеком, отцом, командиром, учителем. Поэтому так терпеливо снес Колька порку, знал, что виноват. Он и его приятель, сержант Руслан Омаев, еще один член командирского экипажа 007, бросились вопреки приказу командира роты в тыл врага, угнав самовольно танк «семерку». Из благородных побуждений, конечно. Отчаянные танкисты рвались спасти невесту Руслана, попавшую в плен к фашистам. И спасли. Помимо нее еще сотни пленных, но только с помощью остальных членов «тэш-ки» — старшины Логунова, лейтенанта Соколова и мехвода Бабенко, которые вовремя подошли и помогли выбраться из передраги. Тогда у взволнованного Василия Ивановича не было возможности выплеснуть свой гнев и недовольство на своевольного пасынка, но сибиряк копил злость все дни, что Бочкин провел в госпитале, хоть и устроил такую же взбучку Руслану. Теперь же после возвращения Николай выпорол его, как хулиганистого мальчишку, за то, что опытные танкисты так глупо подвергли себя опасности. После экзекуции на душе стало

полегче, да и по виноватому лицу Николая он видел, что тот понимает, за что понес наказание. Слишком Логунов переволновался тогда и до сих пор не мог перестать опасаться за своего заряжающего и приемного сына. Вот даже сейчас полез вперед командира, чтобы приструнить Бочкина, который побаивался идти в штаб отдавать выписные документы из госпиталя.

Не зря побаивался: за окном церкви, служившей временным штабом для командного состава мотострелковой дивизии, все жарче разгорался спор между офицерами. Мужские голоса звенели выше и выше, но Соколова подобным не остановить. Лейтенант откашлялся, постучал в перекошенную тяжелую дверь. Крики возбужденных людей затихли. Ротный шагнул за тяжелую преграду, козырнул, не видя в темноте, кто находится в помещении:

— Товарищ майор, лейтенант Соколов прибыл доложить об укомплектовке личного состава роты!

— Проходи, Соколов, проходи, — прогудел знакомый голос. — Командира твоего нет, Еременко на станцию убыл новое пополнение танкистов принимать.

Глаза привыкли к темноте, и Алексей, наконец, смог разглядеть офицеров, что так горячо

что-то обсуждали в тесном помещении, раньше служившем хозяйственной каморкой. Возле забитого досками окна смолил самокрутку командир дивизии генерал Котов. Из угла в угол мерял шагами крошечную комнатку высокий бледный мужчина с широкими погонами с двумя звездами. «Дивизионный политрук», — мгновенно сообразил Алексей. В углу на шерботой колоде пристроился еще один офицер. Встрепанный, как воробей, он сутулился, опустив взгляд в грязный истоптанный пол. Волосы у мужчины торчали в разные стороны сосульками, подворотничок перекосялся, но офицер не обращал внимания на свой вид.

Политрук с прищуром окинул взглядом молодого лейтенанта и двух солдат за его спиной.

— Тот самый Соколов? — мимоходом уточнил подполковник у Котова, но, не дожидаясь ответа, вдруг предложил: — Вот и отправил бы своего... — он замялся, подбирая слово, — дебошира, хоть с пользой геройствовать будут.

— Вот не начинай. — Комдив выпустил клуб дыма, который окутал его. — Я тебе уже все объяснил, ты мне слово дал не поминать о том случае, это уже наши с лейтенантом дела.

У всех танкистов екнуло в груди. Штабные знают и говорят о том происшествии, когда